

были прежде, люди, отказавшіеся стѣ трудовой естественной жизни и посвятившіе свою жизнь исключительно разгулу, грабежу и убійству, какъ какіе нибудь римскіе легіонеры или воины 30-лѣтней войны или даже хоть недавніе 25-лѣтніе солдаты; все это теперь, большею частью, люди недавно взятые изъ семей, всѣ еще полные воспоминаніями о той доброй, естественной и разумной жизни, изъ которой они взяты.

Всѣ эти, большею частью, крестьянскіе ребята знаютъ, по какому дѣлу они ѣдутъ, знаютъ, что помѣщики всегда обижаютъ ихъ братью крестьянъ, и что поэтому и въ этомъ дѣлѣ должно быть то же. Кромѣ того, большая половина этихъ людей уже читаетъ книги, и не всѣ книги такія, въ которыхъ восхваляется военное дѣло, но есть и такія, въ которыхъ доказывается его безнравственность. Среди нихъ служатъ часто свободомыслящіе товарищи, — вольноопредѣляющіеся и такіе же молодые либеральные офицеры, и среди нихъ уже забросано зерно сомнѣнія о безусловной законности и доблестности ихъ дѣятельности. Правда, что всѣ они прошли черезъ ту страшную, искусную, вѣками выработанную муштровку, убивающую всякую самодѣятельность человѣка, и такъ приучены къ механическому повиновенію, что при словахъ команды: Пальба шеренгой!... Шеренга.... Пли!... и т. п., у нихъ сами собой поднимаются ружья и совершаются привычныя движенія. Но въдѣ «Пли!» будетъ значить теперь не то, что забавляться, стрѣляя въ мишень, а значить убивать своихъ измученныхъ, обиженныхъ отцовъ, братьевъ, которые, вотъ они, стоятъ кучей съ бабами, ребятами на улицѣ и что то кричатъ, махая руками. Вотъ они, — кто съ рѣдкой бородкой въ заплатаномъ кафтанѣ и лаптяхъ, такой же, какъ оставшіеся дома въ Казанской или Рязанской губерніи — родитель, кто съ сѣдой бородой, съ согнутой спиной, съ большой палкой, такой же, какъ отцовъ степецъ — дѣдь, кто молодой малый въ сапогахъ и красной рубахѣ, такой же, какимъ годъ назадъ былъ онъ самъ, тотъ солдатъ, который долженъ теперь стрѣлять въ него. А вотъ и женщина въ лаптяхъ и паневѣ, такая же, какъ оставленная дома мать. . . .

Неужели стрѣлять въ нихъ?

И Богъ знаетъ, что сдѣлаетъ каждый солдатъ въ эту послѣднюю минуту. Одного мажѣйшаго указанія на то, что этого нельзя дѣлать, главное, что этого можно не дѣлать, одного такого слова, намека будетъ тогда достаточно для того, чтобы остановить ихъ.

Всѣ люди, ѣдущіе въ этомъ поѣздѣ, когда присгуняютъ къ совершенію того дѣла, на которое ѣдутъ, будутъ въ томъ же положеніи, въ которомъ былъ бы загну-

тизированный человѣкъ, которому внушено разубить бревно, и онъ, подоиди уже къ тому, что ему указало, какъ бревно, и уже взмахнувъ топоромъ, самъ увидаль бы или ему указали бы, что это не бревно, а его спящій братъ. Онъ можетъ совершить предписанное ему дѣло и можетъ очнуться передъ совершеніемъ его. Такъ же и всѣ эти люди могутъ очнуться или не очнуться. Не очнутся они и совершится такое же ужасное дѣло, какое было въ Орлѣ, и улетится въ другихъ людяхъ то самовнушеніе и внушеніе, подѣ влияніемъ котораго они дѣйствуютъ; очнутся они, и не только не произойдетъ такого дѣла, но еще и многіе изъ тѣхъ, которые узнаютъ про оборотъ, который приняло дѣло, освободятся отъ того внушенія, въ которомъ они находились, или по крайней мѣрѣ приблизятся къ такому освобожденію.

Но не только если всѣ люди, ѣдущіе въ этомъ поѣздѣ очнутся и воздержатся отъ совершенія начатаго дѣла, если очнутся и воздержатся хоть нѣкоторые изъ нихъ и выскажутъ смѣло другимъ людямъ преступность этого дѣла, то и тогда воздѣйствіе этихъ нѣсколькихъ людей можетъ сдѣлать то, что и остальные люди очнутся отъ того внушенія, подѣ которымъ они находились, и предполагаемъ злодѣяніе не будетъ совершено.

Мало того, если даже хоть нѣсколько людей, не участвующихъ въ этомъ дѣлѣ, но только присутствующихъ при приготовленіяхъ къ нему, или узнавшихъ про совершившіяся уже прежде подобныя дѣла, не останутся равнодушными, а прямо и смѣло выскажутъ свое отвращеніе къ участникамъ такихъ дѣлъ и укажутъ имъ на всю неразумность, жестокость и преступность ихъ. то и это не пройдетъ безслѣдно.

Такъ это и было въ настоящемъ случаѣ. Стоило нѣкоторымъ людямъ, участникамъ и неучастникамъ этого дѣла, свободнымъ отъ внушенія, еще тогда, когда только готовились къ этому дѣлу, смѣло высказывать свое негодованіе передъ совершившимися въ другихъ мѣстахъ истязаніями, и отвращеніе и презрѣніе къ людямъ, участвовавшимъ въ нихъ, стоило въ настоящемъ Тульскомъ дѣлѣ нѣкоторымъ лицамъ выразить нежеланіе участвовать въ немъ, стоило проѣзжавшей барынѣ и другимъ лицамъ тутъ же на станціи высказать гѣмъ, которые ѣхали въ этомъ поѣздѣ, свое негодованіе передъ совершаемымъ ими дѣломъ, стоило одному изъ полковыхъ командировъ, отъ которыхъ требовались части войскъ для усмиренія, высказать свое мнѣніе, что военные не могутъ быть палачами, и благодаря этимъ и нѣкоторымъ другимъ, кажущимся неважными частнымъ воздѣйствіямъ на людей, находящихся подѣ внушеніемъ, дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ, и войска, прѣхавъ на мѣсто, не совершили истязаній,